

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

История нас рассудит

На вопросы журнала отвечает доктор экономических наук, профессор, директор Экспертного института, научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Григорьевич ЯСИН

"ОНС": С отставкой правительства Е. Примакова определенный значимый кусок жизни нашей страны ушел в прошлое. Теперь уже ясно, что многие пессимистические, даже катастрофические сценарии развития событий, которыми изобиловали различные издания осенью 1998 года, не осуществились. Мне же в связи с действиями кабинета Примакова часто вспоминалось ваше высказывание пяти-шестилетней давности о том, что коридор возможных решений в экономике очень узок и любое правительство не сможет с этим не считаться. Можно вспомнить также о той версии преобразований последнего десятилетия, которую не так давно предложил Ю. Левада: эти преобразования осуществляются не в соответствии с неким общим планом, программой, а в режиме "вынужденного перехода". Решения принимаются, исходя из необходимости выхода из поочередно возникающих тяжелых ситуаций по принципу "чтобы не было хуже".

Е.Я.: Начну с идеи Юрия Александровича Левады. Я с ним полностью согласен, хотя, может быть, сформулировал бы проблему несколько иначе. Реформы вообще предпринимаются для того, чтобы избежать катастрофы или резкого ухудшения ситуации, и никогда не начинаются с целью улучшения и без того неплохого положения. Недаром народная мудрость гласит: "Лучшее - враг хорошего" или "От добра добра не ищут". То есть если бы не было реальной угрозы тяжелых испытаний, то реформы бы никто не начинал. Именно потому, что М. Горбачев получал доклады о надвигающемся кризисе, он и начал реформы, а совсем не для того, чтобы прослыть реформатором.

"ОНС": И это понимали многие: уже апрельский пленум 1985 года определил состояние страны как предкризисное.

Е.Я.: Слабость нашей экономики, невозможность и дальше тратить столько ресурсов на нужды обороны были очевидны уже тогда. Так что все реформы и до, и после 1992 года стали ответом на реальный вызов времени. Можно было отвечать лучше или хуже, но я и сейчас глубоко убежден, что разница между лучшим вариантом и вариантом, реально осуществленным, очень небольшая. Вот хуже могло быть намного: финансовая пропасть такова, что в нее можно падать бесконечно. Но если подходить к тому, что сделано не по принципу "Die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert... die dritte Kolonne marschiert", а исходя из того, что на самом деле

¹"Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует" (Л.Н. Толстой. "Война и мир"). - *Прим. ред.*

могло быть реализовано в наших условиях, то трудно было бы сделать что-то намного лучше. Конечно, какие-то возможности не были использованы, но это существенно ситуацию не изменило. Я убежден, что в результате коммунистического эксперимента Россия оказалась в коллапсе, вошла в полосу глубокого кризиса, который можно назвать в каком-то смысле и системным, и цивилизационным. Хотим мы этого или нет, но нам надо его пережить. И пока мы находимся в этой полосе, будут и драмы, и взаимные обвинения, и проклятия. Это неизбежно.

Исходя из такого подхода к ситуации, можно говорить о реальных альтернативах и о том, какой перед нами стоял и стоит выбор. Правительство Примакова, на мой взгляд, ярко продемонстрировало справедливость мысли, о которой вы вспомнили. Оно начинало с заявления Ю. Маслюкова о том, что мы не будем мстить, а будем исправлять ошибки. Были и письмо академиков, и первая программа с усилением роли государства и денежной эмиссией для покрытия всех потребностей. С этих страхов все начиналось, а буквально за день до отставки Примаков сказал, что все ужасы, которые пророчили его правительству, не состоялись, не было гиперинфляции и т.д. Помоему, именно потому, что об этих опасностях предупреждали, их и не произошло. И реальное достижение правительства Примакова в том, что оно не послушало своих первых советников, а исходило из реальной жизни. В результате кончилось это правительство вполне приличным проектом среднесрочной программы. Там можно вычеркнуть несколько чисто риторических абзацев, а с точки зрения содержания у меня мало возражений. То есть люди пришли к пониманию определенных вещей, но на это ушло 8 месяцев. Их пришлось потратить на то, чтобы понять: жизнь диктует свои условия. И в этом понимании правительство Примакова оказалось даже "большим католиком, чем папа": ему удалось провести через Государственную Думу достаточно жесткий бюджет с первичным профицитом, чего не могли позволить себе "либералы и монетаристы".

"ОНС": Но тем не менее все эти действия сопровождались непрекращающейся антилиберальной риторикой.

Е.Я.: Да, риторика осталась, а реальная жизнь такова, что, следуя риторике, вы создаете Банк развития. Но потом оказывается, что ресурсов для него нет. И вы записываете то, что писали и прошлые правительства: туда идут кредиты Всемирного банка, которые не имеют никакого отношения к бюджету развития, и тратить их можно на строго определенные цели, связанные как раз с целями структурной перестройки промышленности. Затем выделили 4 млрд руб., удастся ли получить их — большой вопрос. Но и это ничтожно мало. Должен сказать, что я сам не возражал бы против бюджета развития. Более того, думаю, что в какой-то момент правительство должно свести текущий бюджет без дефицита, а средства, которые удастся привлечь дополнительно, занять, направлять именно на цели развития - на инфраструктурные проекты, на развитие отраслей высоких технологий, с продукцией которых мы могли бы выйти на мировые рынки. Все это разумно в принципе, но сейчас неосуществимо, потому что не сведен главный бюджет. Мы попали в такую ситуацию, при которой не можем позволить себе этой роскоши. Мы еще не дошли до такой точки, когда правительству целесообразнее брать деньги в виде налогов и тратить их на нужды развития, чем снижать налоги.

"ОНС": Кстати, с идеи снижения налогов также начинало правительство Примакова.

Е.Я.: И как либерал я бы в принципе с этим согласился. Но - в принципе. В конкретной же ситуации, когда речь идет о снижении налогов, на которых висит половина бюджета, - это глупость, что и подтвердила суровая реальность. Каковы были аргументы? Например, говорилось, что все равно налоги собираются лишь на 50-60% и,

уменьшив их вдвое, мы ничего не потеряем, так как повысим собираемость, а предприятия смогут "вдохнуть". Однако снижение налоговых ставок совсем не означает повышения налоговой дисциплины. В результате тот, кто не платил, платить не начнет, а тот, кто платит, будет платить меньше. Не удивительно и то, что основная атака была предпринята на НДС как на самый "плохой" налог, так как от него труднее "отвертеться" и его реально приходится платить.

Посмотрим, чем кончилось дело с намерениями правительства Примакова. Например, снизили ставку НДС, потом увидели, что в бюджете просто нет денег. Попросили у парламента отсрочки снижения на полгода. Сейчас надо просить то же на следующее полугодие, а между тем готовится бюджет 2000 года и уже ясно, что его дыры затыкать нечем. При этом вы просите кредит у МВФ (никто другой сейчас нам просто не даст), чтобы рассчитаться по своим предыдущим обязательствам, но одновременно заявляете, что хотите у себя снизить налоги. Любому кредитору объяснить такую позицию просто невозможно. Разговоры о том, что мы снизим налоговое бремя и наши предприятия "задышат", не убеждают. Все знают, что они от этого не "задышат", они и так налоги не платят, а "задышать" они должны от другого.

Кто доказал, что именно налоги, а не низкий спрос, не отсутствие доступного кредита, не неумение делать конкурентоспособную продукцию и завоевывать рынки мешают развитию отечественного производства? Но удобно требовать именно снижения налогов, потому что при этом теряет только государство (правда, вместе с ним и все те, кто получает свои доходы из бюджета). Однако у государства сегодня мало защитников, разве что Министерство финансов да несколько "неразоружившихся монетаристов". Кстати, в такой политике просматривается и противоречивость позиций правительства Примакова: с одной стороны, оно декларировало снижение налогов, а с другой - усиление вмешательства государства в экономику, что предполагает необходимость большего сбора налогов. Но в конце концов и здесь все более или менее утряслось, и, потеряв полгода, мы вышли в какое-то разумное русло.

"ОНС": Но если это так, то нужно ли было менять правительство?

Е.Я.: С экономической точки зрения стоило им дать возможность еще поработать, убрав кого-то из особо рьяных. Например, Г. Кулик был, по-моему, самым эффективным членом кабинета по части проведенных им лоббистских решений в пользу АПК (за вычетом организации гуманитарных поставок продовольствия, которые не нужны были нашему сельскому хозяйству, но эта акция в пользу организаций, занятых распределением такой помощи). Свою задачу, как он ее понимал, он выполнял лучше других, но во вред общей стратегии. И потому, если бы его деятельность продолжилась, она могла бы стать опасной. Но в общем, как мы видели, пугающие начальные декларации кабинета Примакова не реализовались и, может быть, его не надо было менять?

Думаю, это политический вопрос и связан он прежде всего с условиями создания правительства Примакова. Примаков стал премьер-министром в условиях острейшего кризиса, спровоцированного сменой предшествующих правительств. Думаю, отставки и правительства В. Черномырдина, и правительства С. Кириенко были ошибками, которые очень дорого обошлись стране. Каждый раз, утверждая нового премьер-министра, левое большинство Думы старалось "откусить кусок побольше". С отставкой Кириенко они добились таких уступок, что можно было считать либеральные реформы в России законченными. Я и сейчас далеко не уверен, что они продолжатся, хотя имеется острейшая необходимость в их скорейшем завершении, чтобы страна вышла, наконец, на простор нормальной рыночной экономики. Но, тем не менее, осенью президент уступил и позволил коммунистам помимо господства в Думе и контроля ряда губернаторских постов получить плацдарм и в правительстве.

"ОНС": Сложилась такая правящая оппозиция.

Е.Я.: После нокдауна 1996 года коммунисты вновь оказались на коне и получили очень серьезные возможности для сохранения и упрочения своих позиций. Поэтому в преддверии выборов президент решился на такую тяжелую акцию с еще полностью не определившимися последствиями. Дело в том, что у многих людей сложилось достаточно твердое убеждение, что Примакова (как, впрочем, и Ю. Скуратова) убрали потому, что они подошлись к людям, разворовывающим государство, к самым главным гнездам коррупции. Поэтому перед С. Степашиным и перед президентом стоит очень сложная задача. Должно стать ясно, что отставники - вовсе не единственные рыцари борьбы с коррупцией, что эта линия будет продолжена и виновные понесут наказание. Иначе для демократических сил предстоящие выборы окажутся очень сложной проблемой. Я и так в основном думаю не о том, что будет в течение года, а о том, каковы будут итоги приближающихся выборов в парламент.

"ОНС": Но, может быть, не стоит особенно волноваться? Ведь только что мы говорили, что коридор реально возможных решений достаточно узок.

Е.Я.: Это касалось экономики, а не политики, да и всегда есть опасность неразумных альтернатив. Россия Примакова или Лужкова уже не будет Россией Ельцина, Черномырдина и Чубайса. Это будет другая Россия - более националистическая, более консервативная, менее оглядывающаяся на Запад, более считающаяся с внутренними популистскими целями и т.д. Может быть, для России это и более естественно, в этом случае меньше будет возникать внутренних конфликтов. Но это и хуже для России, потому что ее место в мире определяется тем, насколько быстро ей удастся сбросить с себя пережитки прошлого, включая и самодержавие, и коммунизм.

"ОНС": Конечно, у нас далеко не самая лучшая "почва" для проведения либеральных реформ. Но в то же время если вспомнить западных теоретиков либерализма, например Г. Сормана, то они отмечают, что либерализм консервативен, он должен вырастать из национальных "почвенных" элементов. Так, может быть, и реформаторам стоило бы точнее учитывать отечественные особенности, изучать свою "почву", чтобы, с одной стороны, создавать благоприятные условия для ростков нового, а с другой - стремиться локализовать или смягчить вызревающие в ней негативные моменты.

Е.Я.: Это в целом верно, но в то же время мне кажется, что верно это прежде всего в отношении Запада, где либерализм действительно консервативен. В России же ситуация немного другая. Здесь свобода никогда не ценилась большинством населения. Вспомним, что, например, история США - это история людей, пришедших в дикую страну, которую надо было осваивать, где индивиды, по сути, жили порознь и у них к тому же была англосаксонская традиция тяги к личной свободе, идущая еще от Иоанна Безземельного. У нас ничего подобного не было. До 1861 года у нас было крепостное право. Затем реформы Александра II, затем - период медленных преобразований, борьбы. А через 50 лет все кончилось, и мы вновь вернулись к крепостному праву. В нашей истории, по сути, не было места для оценки достоинств свобод и прав человеческой личности. Такие ценности были достоянием очень узкого слоя людей, также принадлежащих к западной культуре. Консерватизм предполагает сохранение чего-то, а либерализм вносит новую струю в нашу жизнь, традиции же наши этому противятся. Потому консерваторы сейчас коммунисты, а либералы - носители новых прогрессивных идей. Они должны преодолеть сопротивление консервативной "почвы". Для этого у новой экономики должна сформироваться своя социальная база. Мне кажется, за эти 8 лет (даже раньше - со времени принятия законов о кооперации и индивидуально-трудовой деятельности, когда началось развитие частного предпри-

нимательства) стали зарождаться основы будущей свободной России. Но в целом это будет очень трудный и долгий процесс. Свое мы все равно должны будем пережить.

"ОНС": Ошибки реформаторов (или то, что трактуется как ошибки) все прошедшие годы резко критиковали их оппоненты. Реформаторы отвечают на обвинения, но, как правило, в этом случае получается диалог с принципиально разных позиций.

Е.Я.: Обычно идет разговор глухого с немым, потому что нас просто не хотят слушать.

"ОНС": Но это не снимает проблему анализа ошибок, совершенных за последние годы. Очевидно, полезно самокритично проанализировать пройденный путь. В январе 1999 года П. Авен предпринял попытку начать такой разговор [1], но продолжения он так и не получил. Правда, и его претензии, по сути, сводились к двум тезисам - слабому государству и личностным качествам реформаторов.

Е.Я.: На мой взгляд, в той статье Авена было много справедливого, но были и очень большие передержки. Что касается слабого государства, то это не ошибка, а данность нашей ситуации. Мы не могли перейти в качественно другое состояние, если бы не разрушили то, что было прежде. Старые институты все равно не подходили для рыночной экономики. Кроме того, слабым государством мы заплатили за то, что избежали при этом переходе гражданской войны, массовых кровавых столкновений. Думаю, это приемлемая цена. Да и в разрушении государства нельзя винить тех, кого сегодня называют либеральными реформаторами. Этот процесс начался еще тогда, когда Горбачев объявил демократизацию. Можно, конечно, спорить, надо ли было сохранять диктатуру КПСС, чтобы она провела рыночные и демократические реформы. Вы верите, что она бы это сделала? Я не верю.

Хотим мы этого или не хотим, но преобразования, которые в конечном итоге приведут к созданию в России либерального и демократического общества, займут не меньше 40-50 лет. Но уже сегодня можно видеть знаки того, что пусть медленно и тяжело, но мы продвигаемся по этому пути. Возьмем даже эту злосчастную процедуру импичмента. Она показала, что никто не хочет нарушать Конституцию, закон, что это входит в сознание людей, и мы сами заинтересованы в том, чтобы правовые процедуры четко работали, а значит, и укреплялось бы государство.

Слабое государство никто не сможет быстро укрепить. Для этого мало благих намерений, а нужны четкие конкретные дела. Вспоминаю, как несколько лет назад в правительстве формировалась программа борьбы с преступностью - явно то, что нужно для укрепления государства. Бывший тогда министром внутренних дел А. Куликов говорил: "Дайте мне еще миллион людей и триллион рублей, и я все сделаю". (Правда, никакой уверенности в этом не было.) Но в итоге появилась другая идея: борьбу с преступностью надо начинать не с увеличения финансирования и количества милиционеров, а со сосредоточения имеющихся ресурсов на особо неблагополучных анклавах, гнездах преступности. Если там начнут наводить порядок, люди поймут, что государство кое на что способно. И сегодня можно сказать, что дело сдвинулось. Серьезная работа проведена на АвтоВАЗе, в Петербургском и Новороссийском портах, в Красноярске, начинается она и во Владивостокском порту. А это как раз и есть криминальные гнезда. Но как все это сделать побыстрее, я не знаю. Знаю, что идет передел собственности и еще выясняют отношения, кто будет будущими богатыями, олигархами. Одни стремятся удержать завоеванные позиции, другие еще надеются "хапнуть" и требуют передела. И это при том, что в стране впервые появилась экономическая свобода. Если раньше все было жестко зарегламентировано, то теперь все оказалось возможно. В частности, использовать в своих интересах процессы, от которых страдает большинство. Я вспоминаю в этой связи слова нашего известного предпринимателя К. Бендукидзе, который ругал нас за стремление погасить инфляцию. Он

говорил: "Мы с инфляцией получили возможность вздохнуть, а теперь вы хотите, чтобы мы вдохнули и не выдыхали. Ничего у вас не получится, потому что я обязательно выдохну".

"ОНС": Тем не менее разговор об ошибках реформаторов отнюдь не беспредметен.

Е.Я.: Сейчас готовятся документы, в которых будут самокритично проанализированы наши ошибки. Я же могу здесь сказать о том, что сам признаю нашими основными просчетами. Например, ошибкой было при либерализации цен в 1992 году не отпустить цены на нефть, а предварительно повысить их в 5 раз. Если бы мы этого не сделали, то и инфляция в том году могла бы быть в 5 раз меньше. Зря, с моей точки зрения, в программу приватизации была включена вторая модель, отдававшая большую часть акций трудовым коллективам. Правда, тут есть и спорный момент, связанный с настроениями тех лет. Мы как бы пошли навстречу массовым стремлениям к созданию народных предприятий.

"ОНС": Тогда мифология "народной приватизации" пользовалась большим успехом.

Е.Я.: И это дало нам то, что вся программа приватизации была реализована мирно. Но в делах реформаторов были и более серьезные ошибки. Крупной ошибкой в экономической области я считаю то, что мы пошли на строительство пирамиды ГКО и не решились сделать еще в 1995 году ту работу, которую за нас, за правительство сделал кризис августа 1998 года. Мы должны были еще тогда значительно уменьшить бюджетные расходы, не допускать такого бюджетного дефицита. Тогда бы не пришлось осуществлять заимствования в таком масштабе, строя пирамиду ГКО, которая в конце концов, естественно, разрушилась. Была и серьезная политическая ошибка в плане недооценки роли парламента и переоценки власти президента. Тут сказалась еще и чисто интеллигентская манера: не хотелось идти и убеждать людей в необходимости тех или иных шагов, а может быть, просто лидеров таких не было. В результате на парламентских выборах 1995 года мы потерпели сокрушительное поражение.

"ОНС": Пропагандистская часть реформ была безнадежно проиграна начиная с 1992 года.

Е.Я.: Самые яркие пропагандисты - Г. Попов, Ю. Афанасьев и др. - с началом реальных реформ сразу отошли в сторону, заняли позицию сторонних критиков. Мы получили еще один критический фронт. Но нам самим надо было идти, объяснять и не просто объяснять, а вести политическую работу, воевать за массы. Если этого не делали в 1992 году, нужно было начинать хотя бы в 1996 году. Просто создавать политическую базу демократии. У реформаторов были и другие ошибки, и о них мы говорим. Но, как правило, рассуждая о наших ошибках, называют прежде всего либерализацию цен, приватизацию, борьбу за финансовую стабилизацию. Однако здесь я никакой вины не вижу, наоборот, вижу заслугу. Другой вопрос, могли ли все это сделать лучше? Может быть, и могли. Но, анализируя прошедший период, нельзя забывать и о том, какое сопротивление приходилось преодолевать. Причем сопротивление объективно обусловленное.

Вспомним, как была перекошена вся советская экономика: 60% - военное производство, 15% - производство товаров, которые невозможно продать, если вы открыли страну. А если есть такие диспропорции, то неизбежно возникают социальные силы, выступающие против реформ, потому что люди несут огромные потери, их интересы ущемляются. Но и не ломать эту структуру нельзя, потому что в противном случае вы просто не продвинетесь вперед, не ликвидируете дефицит, не создадите условия для развития свободной экономики. Предположим, мы не стали бы открывать страну, сохранили бы монополию внешней торговли и начали бы внутри создавать свою

"маленькую рыночную экономику". Ничего бы не вышло, потому что все у нас было предельно монополизировано и никаких стимулов для прогресса, для каких-то улучшений ни у кого не было. Сегодня же, после кризиса августа 1998 года, вы приходите, например, в продовольственный магазин и можете купить, скажем, соки хорошего качества, в красивых упаковках, вполне сопоставимые с импортными, но выпущенные в нашей "глубинке". Разве стали бы здесь их выпускать, если бы не было конкуренции с импортными товарами? То есть даже при всей тяжести идущих процессов сама эта конкуренция нас уже чему-то реально научила.

"ОНС": Но вас неоднократно обвиняли в том, что наличие импортных товаров губит отечественного производителя, который не может на равных конкурировать с заграничными товарами.

Е.Я.: Первоначальной целью было заполнение потребительского рынка. И это было предельно важно: люди просто должны были увидеть товары в магазинах. Для меня с тех пор кончился социализм и началась рыночная экономика. Но каждый процесс имеет не только позитивную, но и негативную сторону, а проблемы решаются по мере их поступления. Когда возникла реальная угроза для российской промышленности, мы стали повышать таможенные тарифы, применять иные протекционистские меры. Но делали это умеренно, потому что важно было сохранить и положительные моменты, связанные с реальной конкуренцией. Ведь нужны чувствительные стимулы, чтобы мы зашевелились, а если мы так и будем пребывать в неподвижности, ничего не получится.

"ОНС": Есть еще одна версия причин неудач реформаторов. Они сосредоточили свои усилия на макроэкономическом уровне, в то время как микроэкономика жила своей жизнью, во многом связанной со старыми подходами, принципами, со старой деловой культурой, в противоречивом сочетании социальных и политических взаимосвязей. В результате произошел разрыв макро- и микроуровней, и на сигналы, посылаемые "сверху", "низы" реагировали совершенно не так, как предполагалось.

Е.Я.: На макроуровне у государства есть совершенно определенные рычаги - бюджет, денежная масса, ставка рефинансирования, ставки таможенных и иных платежей и т.д. Известно, как ими пользоваться, и правительство это делает с тем или иным успехом. На микроуровне, чтобы прийти в соответствие с новыми реалиями, нужна реформа предприятий. Я сам выступал с инициативой такой реформы. Но проблема заключается в том, что реально эту работу должны сделать сами предприятия. А для того, чтобы они ее сделали, на них надо оказать давление, чтобы менялись управление, менеджмент и т.д. Просто так делать эту работу они не будут. Но если начинать всерьез оказывать такое давление, например обанкротить, закрыть все неэффективные предприятия, через два-три месяца на улице окажутся 40 млн безработных. Если в макроэкономике преобразования можно провести сравнительно быстро, то на микроуровне соответствующие процессы требуют много времени. Конечно, нас можно обвинять, что мы уделяли микроуровню меньше внимания, чем следовало. Но и тут возникает вопрос: что" государство, правительство могли реально сделать? Ведь здесь мы сталкиваемся с огромным пластом людских взаимоотношений, преобразования в которых нельзя провести быстро, а правительство просто не может слишком пережать пружину.

"ОНС": Но можно предложить и еще одно объяснение, правительство дает определенный экономический импульс, ориентируясь на свое представление о тех отношениях, которые существуют "внизу". Однако в реальной жизни эти отношения гораздо более разнообразны, и в соответствии с ними экономические субъекты действуют вполне рационально, но совсем не так, как предполагало правительство.

Е.Я.: Совершенно неправильно было бы думать, что мы все знали, все просчитывали и получали только запланированные реакции. Самые яркие примеры обратного - проблемы неплатежей, задолженностей бюджету, натурализации экономики, которые оказались для нас неожиданными. Мы ориентировались на опыт других стран, где эти проблемы также возникали, но были достаточно быстро решены. У нас же этого не произошло. Нужны были и серьезные размышления, и изыскание мер, которые позволили бы с этими проблемами справиться. К сожалению, у меня и сегодня нет полноценного ответа на поставленные вопросы. А ответ этот, по-моему, прежде всего связан с теми глубокими диспропорциями в нашей экономике, о которых я уже говорил. Значительная часть отечественной экономики оказалась неконкурентоспособной, и она попала в зону натуральной экономики.

"ОНС": Притом часть эта социально значима, там трудятся нередко многотысячные коллективы.

Е.Я.: И с этим пока мы ничего не можем сделать. Скажем, есть американские ученые, которые заявляют, что русские не хотят ликвидировать неэффективные производства, банкротить предприятия, а потому нам не надо давать больше кредитов. С моей точки зрения, это совершенно неправильный подход. Нельзя сразу выбросить миллионы людей на улицу. Нужно прежде создать для них минимальные условия, чтобы они могли пережить трудное время. В этот период и неплатежи, и бартер, и т.п. - не самый плохой выход. А выбросить одновременно 40 млн на улицу - плохой выход, так же как печатание денег для затыкания всех дыр. Что также предлагается для решения этих проблем.

Кстати, после августовского кризиса вдруг стал уменьшаться бартер. Думаю, потому, что нет больше пирамиды ГКО, и она не отсасывает деньги у реального сектора, а значит, там больше денег остается и на зарплаты (неплатежи по зарплате сократились на четверть), и на налоги, и на расчеты между предприятиями. Это новый, полученный дорогой ценой опыт, и с его учетом надо искать пути, на которых можно реально справиться с нашими проблемами. Ясно, что если мы просто больше не будем прибегать к финансовым пирамидам, это проблемы не решит. Равно как и взаимозачет всех долгов. Здесь мы столкнулись со сложной, многоплановой проблемой, и то, что пока нет ее решения, - следствие совсем не злого умысла или неправильной политики.

"ОНС": Быть может, корни многих наших проблем еще и в том, что у нас социальный капитал, т.е. вклад социальной организации общества в производство стал почти таким же фактором производства, как и традиционные? Причем вложения именно социального капитала в дело нередко дают самый большой эффект. Например, гораздо выгоднее добиться каких-то льгот, чем вкладывать средства в перестройку производства и т.п. А все это не учитывается в стандартных экономических схемах.

Е.Я.: Действительно, у нас есть определенная традиция, идущая с советских времен, а быть может, и более ранних, заключающаяся в том, что легче, чем решать проблему кардинально, достичь результатов, обрабатывая чиновников. К этому люди привыкли, как, кстати, и к натуральным бартерным отношениям. А старые дурные привычки можно искоренить только тогда, когда возникают новые отношения, когда все поймут, что быть честными выгоднее, чем воровать.

Что же касается вложений в производство, то не стоит преуменьшать значение того факта, что 70 лет все вложения в улучшения делало государство. И нашим руководителям предприятий просто не приходило в голову, что это их забота. Такую психологию мы получили в наследство. Теперь же, когда у государства средств нет, нужно изыскивать свои, отрывая от потребления, находить инвесторов, думая о том, где взять кредит и как его вернуть. Это же поворот в психологии, на который также нужно время. Постепенно будет идти обучение, восприятие других ценностей.

Пока же во многом справедливо высказанное недавно в журнале "Эксперт" мнение, что мы - нация, ориентированная на потребление, готовая проесть все и совершенно не готовая к тому, чтобы инвестировать. Поэтому у нас сегодня очень низкий уровень сбережений, низкий уровень инвестиций. Здесь отдача может быть далеко не сразу. Это все - социальная материя. Например, если у вас ребенок и его надо учить. Кто-то уже понял, что в образование стоит вкладывать большие деньги, быть может, отказывая себе в чем-то другом, но зная, что это - один из самых серьезных объектов, куда стоит вкладывать. А многие по-прежнему ратуют за стандартное, но бесплатное государственное образование, по сути, не задумываясь, как это отразится на будущем их детей. Однако в целом перестройка сознания идет, но идет тем темпом, который свойствен таким процессам. Тут мы мало можем реально сделать даже при улучшении пропаганды и агитации. Я думаю, что жизнь воспитывает лучше любой пропаганды.

"ОНС": Важным тезисом антиреформаторской пропаганды всегда было обвинение в развале отечественной промышленности в угоду догмам монетаризма. С вашей точки зрения, каково действительное соотношение принципов монетаризма и промышленной политики? Могут ли они сосуществовать и возможна ли эффективная промышленная политика в условиях разлаженной финансовой системы?

Е.Я.: Я уже говорил, что совсем не против поддержки отечественной промышленности, создания специального бюджета развития и т.п. Думаю даже, что правительству было бы целесообразно выпускать специальные облигации, продавать их, а деньги направлять в бюджет развития, через который финансировались бы отобранные по конкурсу проекты. Я, например, мечтаю, чтобы мы наладили производство больших самолетов такого класса, чтобы могли продавать их в США. Но пока на это нет средств. Когда же рассуждают о пагубном влиянии монетаризма на промышленность, то обычно допускают подмену понятий. Давайте мысленно вернемся к тому времени, когда реформы начинались, к огромной, крайне деформированной советской промышленности. У государства больше не было денег, чтобы ее содержать. По сути, мы жили на доходы от нефти, а когда в середине 80-х годов цены на нефть упали, потери бюджета оказались очень ощутимыми. К тому же мы провели антиалкогольную кампанию, которая нанесла еще один удар по бюджету. В результате мы попали в ситуацию, когда не было никакого иного варианта, кроме срочной либерализации цен. Мы даже подготовиться не могли. Скажем, в Польше цены либерализовали еще коммунисты, а на долю Л. Бальцеровича осталось только зажимать денежную массу и сбивать инфляцию, что у них и называлось "шоковая терапия". У нас же коммунисты так ничего и не сделали, оставив все Е. Гайдару. Вспомните 1991 год, магазины с совершенно пустыми прилавками... Ясно, что так жить больше было нельзя.

С либерализацией цен на прилавках появились товары, а дальше, на мой взгляд, речь должна идти не о монетаризме, а о здравом смысле. Если вы не зажимаете денежную массу, продолжаете печатать деньги, то при свободных ценах и наших колоссальных диспропорциях в экономике инфляция может достигать 30-50% в месяц. И в таких условиях жить невозможно.

"ОНС": Промышленность в такой ситуации развиваться не может.

Е.Я.: Значит, надо ограничивать денежную массу, вы просто вынуждены это делать. Но, зажимая денежную массу, вы создаете бюджетные ограничения для тех же предприятий. Начинается отбор: кто-то выживает, а кто-то - нет. Без такого отбора не может быть движения вперед. Кроме того, есть еще один важный момент. Если в таких условиях вы начинаете печатать деньги, чтобы увеличить денежную массу, то потом оказывается, что уровень монетизации экономики не повышается, а, наоборот, падает.

Действительно, сейчас у нас очень низкий уровень монетизации экономики - 10% от ВВП при норме 60-70%. Это произошло потому, что резко девальвировался рубль и сократилась рублевая денежная масса по отношению к ВВП. Рост цен обгонял рост денежной массы, и шла демонетизация экономики. Но сейчас, при существующих инфляционных ожиданиях нельзя идти на увеличение денежной массы. В правительстве Примакова были идеи о том, чтобы напечатать деньги, при этом обеспечив их "канализацию" - направлять их в строго обусловленное русло, например на эффективные инвестиционные проекты. Закон, однако, состоит в том, что деньги идут туда, куда их тянет, и какие бы ни выставлялись преграды и заслоны, как бы вы ни меняли ориентировку, в конечном счете все преграды преодолеваются и естественный ход вещей восстанавливается. Вновь напечатанные деньги оказываются на валютном рынке. У нас за все годы реформ был только один период, когда монетизация росла - в 1996-1997 годах, когда мы сбили инфляционные ожидания и потому могли постепенно наращивать денежную массу без неприятных последствий.

Так что вопросы монетаризма у нас я бы, к сожалению, отнес к темам не экономической политики, а экономической грамотности. И мне просто жаль тех, кто мечтает добиться каких-то результатов, борясь с монетаризмом. Еще раз вспомним правительство Примакова, которое уж никто не может обвинить в намерениях потворствовать монетаристским устремлениям в политике. Однако жизнь диктовала свои требования, а в последние месяцы своей работы Маслюков уже не говорил, что все предложения МВФ - глупость, признавал, что есть среди них и разумные вещи, а против требования сбалансированности бюджета и спорить нечего. Впрочем, о последнем каждый знает по собственному семейному бюджету.

"ОНС": Раз мы вновь вспомнили о правительстве Примакова, то как бы вы оценили социальные уроки и последствия его работы? За время его существования сильно упал жизненный уровень, но ни одно правительство последнего десятилетия не пользовалось такой массовой поддержкой.

Е.Я.: Думаю, наши люди вполне резонно считали, что в снижении их жизненного уровня Примаков не виноват. Это результат предшествующих правительств. И я с ними согласен. Надо было раньше, в 1995 году, проводить более жесткую экономическую политику, но не хотелось, можно было отложить и т.д. Кризис августа 1998 года просто вернул все на круги своя, на реальную почву. Так что люди резонно не видели в этом вины Примакова. Кроме того, именно потому, что упал жизненный уровень, многим стали платить зарплату вовремя, рассчитываться с долгами. Лучше стали платить пенсии, они сильно уменьшились в реальном выражении, но начали приходить в срок. Это дало некий положительный эффект.

Я считаю, что у правительства Примакова есть все шансы считаться самым успешным за все годы после начала реформ. Но это происходит по причинам, которые от него не зависят. Во-первых, оно могло воспользоваться всеми плодами решений 17 августа, все позитивные моменты в российской экономике за 8 месяцев существования кабинета Примакова на 90% были обусловлены как раз этими решениями. Потому что после девальвации рубля резко повысилась конкурентоспособность российских товаров, произошло сокращение импорта. Снижение реальной зарплаты, доходов населения позволило решать бюджетные проблемы. Улучшились дела в Пенсионном фонде. Прекратилась откачка денег из реального сектора в пирамиду ГКО. Все это положительно сказалось на ситуации. Во-вторых, правительство Примакова все же проработало достаточно мало, и те его решения, которые могли произвести отрицательное воздействие, либо не успели сказаться, либо не успели реализоваться. Это очень выигрышная позиция для ушедшего кабинета.

"ОНС": Но в итоге в глазах значительной части населения именно реформаторы выступают как виновники всех бед, постигших страну.

Е.Я.: Давайте разберемся. Я подсчитал: небольшая группа людей, которых обычно называют командой Гайдара или Чубайса, непосредственно управляли страной около 17 месяцев за 7 лет реформ. Все остальное время они занимали важные посты, но никогда не могли полностью нести ответственность за принимаемые решения. Потому что всегда рядом с Чубайсом был, например, Сосковец, рядом с Ельциным - Коржаков. Черномырдин далеко не сразу соглашался с тем, что надо делать, а время уходило, и т.д., и т.п. Создавалась ситуация, в которой одни растаскивали, другие делали все по-старому, а реформаторы всю вину брали на себя. Конечно, мы не снимаем с себя ответственности, но надо ясно видеть, что нынешняя ситуация - результат компромиссов между частью либеральных реформаторов (небольшой группы московских и петербургских интеллигентов) и огромной старой номенклатурой, которая тоже соглашалась на реформы, но очень специфические, сочетающие для нее выгоды свободной рыночной экономики с советской ответственностью, когда за твои просчеты, а то и сознательное нанесение существенного материального ущерба подведомственному объекту всегда расплачивается государство.

Я два года с лишним пробыл на посту министра экономики и, думая о том, что я мог бы поставить себе в заслугу, пришел к выводу: главным своим достижением могу считать то, что не давал растаскивать государственные деньги. Просто этой лавине надо было противостоять. Собственно, приход правительства Примакова означал победу номенклатурного капитализма, хотя сам Примаков - человек другого склада, к которому я отношусь с большим уважением. Просто объективно так получилось. Завершая ответ на ваш вопрос, скажу, что мы готовы нести ответственность за свои дела, но и наши оппоненты должны набраться мужества и ответить за свои. Пусть сегодня нас осудили, зачислили в расстрельный список одиозных фигур. История рассудит. Я не получал от нашего режима никаких наград, и они мне не нужны. Наградой для меня является то, что я делал вещи, которые считал правильными.

"ОНС": Пока же, судя по всему, нам еще предстоит долгий и трудный путь.

Е.Я.: Как я уже говорил, хотим мы этого или не хотим, преобразования в России, ведущие к созданию либерального и демократического общества, займут не менее 40-50 лет.

"ОНС": Правда, 10 лет по этому пути Моисея мы уже прошли.

Е.Я.: Потому он у меня тут и висит со скрижалями Завета².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авен П.* Экономика торго. О "крахе" либеральных реформ в России // Коммерсантъ. 1999. 27 января.

© Н. Плискевич. Е. Ясин, 1999

² Кабинет Е. Ясина украшает копия картины Г. Рени с изображением Моисея. Интервью записано 19 мая 1999 года.